

Карантинные размышлизмы

Я уже больше 2-х месяцев на жестком карантине (боюсь, мое хрупкое здоровье не обрадовалось бы дополнительному испытанию – ковиду). За окном бушует ... настоящее время. Это для меня – как наркотик: ловлю новости, переживаю за Россию, оплакиваю ушедших друзей. «Извлекаю» «закладки» наркотика – из компа и радиоприемника (конечно, настроенного на «Эхо»). Перед телевизором, который всегда был «опиумом для народа», уже много лет сидит одна из многих сотен лягушек, составляющих мою коллекцию. Коллекция началась с маленькой желтой металлической лягушечки, привезенной Яблоковым из Америки: «Лягушке-путешественнице от ...» Я тогда много времени проводила в командировках, поскольку работала как раз на телевидении – т.е. поставляла «опиум». Так что я хорошо понимала, (собственно, об этом даже в учебниках писали), что психоделические сеансы экрана, даже без Кашпировского, работали успешно. Как бы ни радовалась оппозиция свободе соцсетей, пока «мяч» в руках у провластных пропагандистов. В этом я убеждаюсь, даже не выходя из дома, просто поговорив с такими же как я выпускниками того же филфака того же МГУ им. Ломоносова по скайпу, зуму или телефону.

Итак, за окном чудеса мужества Навального, которому суд заменил условный срок на реальный из-за далекого от реальности дела Ив-Роше, и чудеса мужества тысяч людей, вышедших на улицу под дубинки людей в форме. Острое чувство собственной никчемности в контексте этих событий неожиданно выдернули из памяти размышления моего деда, Николая Лаврентьевича Кладо, изложенные им в книге «Введение в курс истории военно-морского искусства» (С.- Петербург, 1910 г.). (Курсив и сокращения – Н.Л. Кладо).

«Но соглашаясь, что несомненно были и действительные случаи и преступные, и происшедшие от злой воли, все-таки относительно большинства случаев и преступность и злая воля – это были явления лишь *кажущиеся*.

Ведь *и для того, чтобы понять, надо знать*.

Чтобы понять и поверить, надо иметь общность мысли, надо, чтобы убеждающий и убеждаемый признавали какие-то общие основы какого-то знания, на основании которых один и убеждает другого. Если этого нет, если нет у убеждаемого широких знаний, то слова убеждающего для него бесполезны, он говорит для него на чуждом для него языке, он его только раздражает, убеждаемый *не понимает* важности того, что ему говорят! А потому он и не исполняет этих благих советов, будучи убежден, что они бесполезны или даже вредны.

И ведь так бывает всюду. Только *знание* дает критерии для сознания своих ошибок. Более же всего самолюбиво и высокомерно именно *невежество*.

Итак, одна из основных причин (второпричин) наших неудач – это незнание.

Но есть и другая и столь же важная причина, и бороться с которой еще труднее, чем с незнанием, так как она при известных условиях, свивает очень прочное гнездо в человеческой душе. Это причина – рабство мыслей и поступков, рабство не только перед высшими и сильными, но и перед равными и перед низшими – рабство перед средой.

Если непонятно употребленное мною слово «рабство», заменю его – отсутствие независимости, самостоятельности мысли и поступков. Еще понятнее будет, если сказать

– хотя уже очень затрепано и избито это выражение – *отсутствие* так называемого *гражданского мужества*.

Однако, несмотря на эту затрепанность и избитость, вопрос о гражданском мужестве очень важный. Напр., удивительное дело – казалось бы, что проявление гражданского мужества должно было бы быть куда легче и чаще, чем проявление мужества военного, а на самом деле этого не замечается. Ведь в последнем случае ставится на карту жизнь, т.е. то, что для человека дороже всего. А вместе с жизнью ставится на карту и благосостояние, как свое, так и дорогих близких людей.

Значит не страх перед лишениями и страданиями своими и своих близких заставляет отступать от проявления гражданского мужества, раз совершенно установленный факт, что в широких размерах проявляется мужество военное.

И нельзя тут сослаться и на требования государства, та как, напр., присяга требует одинаково и военного и гражданского мужества.

Тут есть что-то другое, не совсем ясное, но несомненно существующее, так как опять-таки мы имеем дело с несомненным фактом, что гражданское мужество встречается несомненно реже, чем мужество военное.

«То, что не ясно, следует выяснить» . – сказал Конфуций. Попробуем это сделать по отношению к факту редкого проявления гражданского мужества по сравнению с военным.

Военное мужество направлено исключительно против *внешнего* врага – а потому оно признается почетным и высоким всеми в *своей* стране. Жертва именно жизнью сама по себе ценится очень высоко, и сложилось так, что военное мужество чтится даже врагами – оно лично не против никого из них не направлено.

Гражданское мужество, в большинстве случаев, направленно против врага внутреннего, даже в военное время. Говорю – в большинстве случаев, так как и на войне проявляется гражданское мужество и в том, напр., чтобы взять на себя ответственность в различных случаях, и в этой решимости нет непосредственной угрозы жизни. Но не о таких проявлениях гражданского мужества сейчас речь.

Я говорю о том гражданском мужестве, которое проявляется главным образом против врага внутреннего, против злоупотреблений, против незнания и невежества, против злой воли, против попустительства.

Вот такое мужество многими не признается за высокое качество – конечно прежде всего теми, против которых оно направленно, теми, с кем так или иначе связаны эти люди, - иногда не признается всей окружающей средой, чующей в проявлениях этого мужества общую опасность своему благополучию и спокойствию.

Вот почему военное мужество чтится не только в теории, но *и на деле*, и награждается. Вот почему военное мужество заражает, и человек, совершающий военный подвиг, увлекает за собой других, усыпляя в них страх смерти.

Между тем *гражданское мужество чтится только в теории*. На деле же оно возбуждает злобу, ненависть и месть. Вот почему, человек, совершающий подвиг гражданского мужества, остается обыкновенно *одиноким*, - многие теоретически ему сочувствуют, но на деле жмутся, пьются и за ним не идут.

Вот почему так трудно и проявляется гражданское мужество – вместо почета и наград, которые сопровождают мужество военное, его спутники – озлобление и преследование.

А между тем, если не прятаться от логического течения мысли, если смотреть логическому выводу прямо в глаза, - нельзя ведь не признать, что только тогда знание и может принести действительную пользу делу, когда оно идет рука об руку с гражданским мужеством, как только тогда и может быть использовано умение владеть оружием, когда оно соединено с военным мужеством.

Изучение, знание только откроет истину. Но чтобы приложить ее к делу, в огромном большинстве случаев, необходимо наличие гражданского мужества, и от этого вывода, желая остаться добросовестным, никуда спрятаться нельзя.»

Я не раз заглядывала в эту книжку деда, например, работая над очерком о знаменитом крейсере «Варяг» (вернее о музее Руднева, случайно встретившемся в командировке недалеко от усадьбы первого русского агронома Болотова), затопленном во время Русско-японской войны. Дед тяжело переживал поражение России и то, что он не смог убедить царя отказаться от этой авантюры. Во многом размышления о гражданском мужестве отражают эти переживания (см. мой очерк «Гражданин моря» в Вестнике Европы, том X1, 2004 г. <https://magazines.gorky.media/vestnik/2004/11/grazhdanin-morya.html>).

В это же время я готовилась к большой передаче, в которой пригласила участвовать Алексея Владимировича Яблокова. На этот раз было задумано развесить в студии фотографии участников, и Яблоков вызвался сам привезти свою фотографию мне домой в воскресный день. Он приехал с маленьким симпатичным пуделем на руках, отказался от предложенного кофе, а увидев на моем письменном столе машинку с заправленным листом бумаги, спросил; «Чем занимаетесь?». Я показала ему еще не до конца распечатанный текст о гражданском мужестве, и Яблоков попросил сделать ему копию. Много позже он признался, что этот текст значительно повысил градус его отношения ко мне.

Не сомневаюсь, что Яблоков был бы сегодня на акциях. Он ходил на все протестные акции, стоял в одиночных пикетах, выступал на митингах. Я старалась быть рядом, а когда не могла - с ним всегда был Сережка. Однажды Сереге пришлось прорываться с ним за оцепление, чтобы обратиться к скорой помощи.

Сидя на карантине, я радуюсь тому, что все больше людей перестают бояться, и я боюсь, что они перестанут не бояться.

Н. Л. Кладо.

На правах записки

ВВЕДЕНИЕ

ВЪ

КУРСЪ ИСТОРИИ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА.

Цѣль и методъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства

*„На вопросъ: что дѣлать, я от-
тилъ себя—не бояться истины, ку-
бы она ни привела меня“.*

Л. Толстой (мысли о перенисл)

*„Если я вѣрю, что тутъ пра-
во стоитъ-ли служить лжи... Кр-
тою меня ободрила и вѣра въ мо-
читателей: они разберутъ...“.*

Достоевскій (дневникъ писате

С.-Петербургъ.
1910 г.

— 321 —
щему качеству боевой силы, и этот поступок яркій образчикъ отсутствія гражданскаго мужества, приносящій не меньшій вредъ дѣлу, чѣмъ сдача этого отряда неприятелю на войнѣ.

Спускъ
флага пе-
редъ вра-
гомъ въ мир-
ное время
имѣетъ
меньше
оправданія
чѣмъ въ
военное.

Это тотъ-же спускъ флага, только передъ внутреннимъ врагомъ, и притомъ имѣющій меньше оправданій, такъ какъ тамъ все таки можетъ играть роль опасеніе за жизнь ввѣренныхъ ему многихъ жизней, а здѣсь все таки опасеніе только за свое собственное, и ни за чье иное, благополучіе.

Только въ союзѣ съ гражданскимъ мужествомъ знаніе добьется практическихъ послѣдствій для дѣла. Не добьется этого и одно гражданское мужество безъ знанія, ибо оно не будетъ знать—куда направлять свою дѣятельность.

И опять повторю—что напр. въ теоріи присяга*) требуетъ совершенно одинаково и военнаго и гражданскаго мужества, а на дѣлѣ одно проявляется до величайшихъ жертвъ, а второе—останавливается передъ жертвами гораздо меньшими.

И вотъ, когда я говорилъ выше, что самое важное—это не прятаться отъ логическаго вывода и идти въ логическомъ развитіи мысли *до конца*, и дойдя до вывода—или его, внутри себя, въ своемъ „святыя святыхъ“ опровергнуть, или ему подчиниться,—то я имѣлъ въ виду и этотъ проклятый вопросъ—какъ сдѣлать такъ, чтобы не повторился разгромъ. Если мы дѣйствительно рѣшили, что разгромъ не долженъ повториться, и дѣйствительно не можемъ, сами передъ собой, добросовѣстно опровергнуть, что главные второпричины разгрома, т. е. лежащія въ доступной намъ области—это невѣжество и отсутствіе гражданскаго мужества, то нашъ

*) „Объ ущербѣ-же Его Императорскаго Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увидано, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допускать потщуся и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, а предпоставленнымъ надъ мною начальникамъ во всемъ, что пользы и службѣ государства касаться будетъ, надлежащимъ образомъ чинить послушаніе и все по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противъ службы и присяги не поступать...“

девизъ долженъ быть—*знаніе и открытое мужество мысли.*

„Имѣй мужество пользоваться собственнымъ разумомъ. Это—девизъ просвѣщенія“ говоритъ Кантъ*). Но этого мало—только рѣшиться имѣть *свое мнѣніе*—надо еще рѣшиться и прилагать его на дѣлѣ—а здѣсь ужъ главную роль играетъ гражданское мужество.

Какъ было указано выше, преобразованная академія будетъ служить и для подготовки офицеровъ для несенія во флотѣ службы генеральнаго штаба. Первое ядро этой службы составитъ первый выпускъ изъ академіи. Именно отъ него будетъ зависѣть въ значительной мѣрѣ тонъ этой службы, по нему составятъ и флотъ свое мнѣніе объ этой службѣ, и дасть ей соотвѣтствующую оцѣнку.

Знаніе и открытое мужество мысли, какъ девизъ будущаго офицера морского генеральнаго штаба.

Всѣмъ хорошо извѣстно—какіе недостатки приписываетъ армія своей службѣ генеральнаго штаба. Отъ этого перваго выпуска будетъ зависѣть сразу избѣгнуть этихъ нареканій, и сдѣлать такъ, чтобы флотъ относился къ офицерамъ морского генеральнаго штаба иначе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ арміи. А если этого не будетъ, то и служба генеральнаго штаба не принесетъ всей той пользы флоту, которую она способна принести.

И если вдуматься—гдѣ причина извѣстнаго отношенія арміи къ своему генеральному штабу,—то главное здѣсь—не въ отсутствіи у него знаній.

Пусть эти знанія несовершенны, не совсѣмъ тѣ, которыя требуются, пусть ихъ надо измѣнить, но только въ общемъ, все таки, знанія нужны для веденія войны имѣются именно у офицеровъ генеральнаго штаба. Никто и не отрицаетъ необходимости службы генеральнаго штаба—возстаютъ только противъ существующей корпораціи этихъ офицеровъ какъ таковой, противъ ея духа, противъ *захваченнаго* ею положенія.

И если-бы представить себѣ, что эти офицеры были-бы не только представителями военного знанія,

*) По Кругу чтенія. На 28 Сентября.